

рассказ

216

*Асхат
Мухаметшин*

Хоккей моего детства

 ПЕРВЫЙ в своей жизни матч большого хоккея я наблюдал с сугроба за бортиком ледовой площадки на свежем, морозном воздухе. Можно сказать, с самого первого ряда. Это было так близко к действию на льду, что я прямо-таки испугался, когда в борт передо мной врезались с треском два обнявшихся в борьбе хоккеиста, и клюшка одного из них ковырнула снег, чуть не задев меня. А сугробы, опоясывавшие игровую площадку, были естественным явлением. В перерывах болельщики дружно выбегали на заснеженное поле, разбирали лопаты и скребки и очищали лёд от снега, нарезанного коньками или выпавшего с неприкрытого зимнего неба. А куда бросали собранный снег? Естественно, за борт. Иногда его выпадало так много, что шайба во время игры пряталась от

неистовых клюшек хоккеистов в пушистых заносах. Вот весело становилось!

Каждый матч был большим событием. Деревянные трибуны вокруг ярко освещённой площадки заполнялись до отказа. Любой мороз нипочём! Уши шапок-ушанок опущены, воротники мутноватые, каракулевые подняты, все пританцовывают, похлопывают себя и друг друга. Скамейки под стоящими на них болельщиками натужно скрипят, над людским морем плавают лёгкие облачка от курева и дыхания. А на жёстком льду разворачивается спектакль с не известным никому сюжетом. И мне казалось, что после очередной забитой шайбы деревянные трибуны от взрыва людского восторга рухнут. Но нет, они, можно сказать, ходившие ходуном, выдерживали.

Сезон 1958–1959 годов, стадион Казанского моторостроительного завода на улице Ленинградской в районе под названием Соцгород, до которого с Достоевского мы добирались со старшим братом сначала на трамвае № 2, потом от начала маршрута до конца на 1-м троллейбусе. Уже в переполненном салоне троллейбуса начался спор о предстоящем матче, прозвучали самые невероятные слухи и прогнозы. По большому счёту, матч таким образом и стартовал.

Это был первый год участия СК им. Урицкого в первенстве РСФСР класса «Б». На «капитанском мостике» – тренеры Анатолий Муравьёв и Исмаил Милушев. Основоположник казанского хоккея, Анатолий Васильевич Муравьёв тренировал команду в качестве главного тренера в общей сложности двенадцать лет. Это своеобразный рекорд тренерского долголетия во главе одного коллектива, как, замечу, и у Николая Ивановича Сентябряева в футболе с казанской «Искрой» – «Рубином». К слову, и СК им. Урицкого тоже менял названия. В 1990–1995 годах – «Итиль», с 1995 года – «Ак-Барс», а до 1958-го – «Машстрой». Кстати, 36-летний Анатолий Муравьёв в том нашем с братом походе на стадион выходил на лёд в составе команды нападающим, был, получается, играющим тренером.

Хоккеисты выступали в вязаных спортивных шапочках – тогда шлемов из пластика ещё не было. Нападающие финтили дуболомными отечественными клюшками, которые ломались, как спички, и не применяли по правилам тех лет силовые приёмы на чужой половине поля. Что касается спортивных шапочек... Они были и фабричными, и самовязками. Первым в поблёскивавшем, белом шлеме появился у нас нападающий Владимир Гусев. Вернее, у него был полушлем, с частично открытым верхом. Но от шапочки отказаться в морозы всё равно было невозможно, и он надевал свою «полукаску» поверх «утеплителя».

На воротах имелась ещё одна сетка,

волью свисавшая из-за перекладины до льда, чтобы шайба, попавшая в цель, не вылетала пулей обратно. Сеточку убрали из-за жалоб вратарей, верхние концы клюшек нередко запутывались в её нитях. Да и задки коньков тоже цеплялись. А как было красиво, когда забитая шайба не выскакивала, а билась в сети точно пойманная рыба!

Были у казанских болельщиков и свои любимцы. В памяти навсегда остались (оговорюсь, что тут и игроки последующих годов, но тех же достопамятных времён): защитник с убойным броском Николай Штейн, настоящий ледовый боец, нападающий Владимир Курбатов, стремительный Евгений Бурнаев, технарь Владимир Ткачёв, меткий Анатолий Орлов, вездесущий Абдул Гайнуллин, отважный вратарь Иршат Шигабутдинов. И упомянутый Владимир Гусев, который, начав с первых дней существования СК им. Урицкого, стал впоследствии лучшим его бомбардиром и был приглашён в московские «Крылья Советов».

Помню, как-то гоняем во дворе шайбу, а мимо идёт бодрой походкой мужчина в лёгком пальто и москвичке, с хоккейной клюшкой под мышкой. И говорит: «Ну что, ребята, сыграем? Я один, а вы все». Вижу, у него клюшка-то мастерская, не то, что у нас. Побегали, значит, по утопанному насту, он обыграл нас, и мы спрашиваем, кто он такой. И незнакомец отвечает: «Владимир Гусев». Я говорю ему: «Так он же теперь в Москве, в «Крылышках». – «Верно, вот прилетел на побывку. Сходил к старым друзьям, покатался с ними». И приглашает в гости к себе домой. С дружкой Вовкой Бочкарёвым мы радостно согласились, так как поверили, что он на самом деле Гусев и есть – и клюшка мастерская, и обыграл нас мастерски, и на внешность похож, хоть и в штатском.

А дома у него, что совсем рядом, в тех же наших панельных домах, висят на гвоздочке краги, в углу около прочей обуви – «петушки», коньки, стало быть, экстра-класса. Пьём чай с тульскими пряниками, разговариваем. Вовка спра-

шивает: «А чем искусственный лёд отличается от настоящего?» Тогда, замечу, в нашем городе ещё не было крытых катков. «Да ни чем, – отвечал бомбардир, – разве что помягче и поглаже». Не сложилось, однако, у Владимира Геннадьевича в Москве, и он вернулся в Казань, поиграл лет пять в родной команде, а потом тренировал детей, юношей, команду мастеров «Итиль», опять юную хоккейную поросль.

Больше личных встреч у меня с ним не было, хотя со стороны я его неоднократно наблюдал. И с женой под ручку проходившим мимо моего дома. Впрочем, впервые её увидел, когда с Вовкой одевались в прихожей после редкостного для нас разговора и чая со вкусными пряниками. Рослая, красивая, в жёлтом пальто с рыжим лисьим воротником и в такой же шапке, она и сама, по-моему, походила на лисицу. Мягко поздоровалась, в раскосых глазах удивление... А Владимир Геннадьевич спрашивает: «А что ты так рано?» Ответа мы не услышали. Попрощавшись, быстренько сбежали по лестнице на улицу.

На обратном пути живо обсуждали чрезвычайное для нас, пацанов, событие. Вовку поразило более всего, что наш славный хоккеист ещё и студент политехнического института. «Ладно бы – физкультурного», – не переставал удивляться он. – Политех ведь – не шутка». «Заочного отделения», – напомнил я. «Ну и что! Заочка – это большая самостоятельная работа, а у хоккеиста есть на это время?» Вовка Бочкарёв был у нас башковитым парнем, после школы уехал в Москву и поступил в МИФИ по специальности ядерной физики и технологий. И вот что интересно, когда я уже описал нашу удивительную встречу с Гусевым, вспомнил: он всё-таки тогда, после игры во дворе, показал нам удостоверение личности с логотипом «Крыльев Советов» и снял вопрос: тот самый Гусев перед нами или нет. Это у меня бывает, одно и то же событие описываю по-разному. Не всё ведь сразу вспоминается, а уж изложенное ранее исправлять не хочется.

Итак, я в самом первом ряду гудящего стадиона, рядышком лежит мой старший брат, который и привёл меня, восьмилетнего, сюда. Сугроб под нами после двух перерывов подрост, обновился свежим снежком. Несмотря на морозец, мы как-то всё равно не мёрзнем. На ногах валенки, на головах ушанки, в глазах – любопытство и огонь. За бортом хоккеисты рвут и мечут, сухо пощёлкивают на жёстком льду клюшки, мечется туда-сюда шайба, бушуют трибуны – СК им. Урицкого принимает хоккеистов глазовского «Торпедо». На льду жарко. Глазов – город хоккейный, и команда его боевитая. Вначале шла равная борьба, и счёт держался 2:2, но потом наши хоккеисты взвинтили темп, раскрепостились, и шайбы одна за другой затрепыхались весело в сетке ворот торпедовцев. Дощато-фанерное табло зафиксировало окончательный счёт 6:2 в нашу пользу. Почему шайбы даны мной во множественном числе? Да потому что несколько из них по ходу игры вылетели с площадки и потерялись в сугробах – сплошного ограждения из оргстекла в ту пору не имелось.

Таким был первый мой болельщический хоккей на деревянном стадионе спортивного клуба имени Моисея Соломоновича Урицкого. Как сейчас, всё перед глазами! Давнишний день, что был сто лет назад, порою помнится лучше, чем вчерашний.

Через пару лет клуб сменил адрес – перебрался на Центральный стадион – ровно перед древним нашим Кремлём. Примерно на вираже беговой дорожки стадиона поставили хоккейную коробку, на месте футбольных ворот возвели временную трибуну, и СК им. Урицкого получил в своё пользование новую арену в центре города.

Здесь в 1962 году и были проведены игры финальной пультки первенства РСФСР за выход в класс «А». Помню, участвовали в ней кроме нас – Саратов, Серов, Новосибирск, Пенза и др. Именно от игры пензенского «Дизелиста» с новосибирцами зависела наша судьба. Трибуны на этой игре дружно скандиро-

вали: «Пенза, Пенза!» И «Дизелист» не подвёл. Мы были отправлены в компанию к ЦСКА, Динамо, Спартак... соревноваться в давней профессиональной игре канадских лесорубов, как называл игру с шайбой мой друг, писатель и бывший футболист Александр Ткаченко.

В нашем городе была ещё одна хоккейная команда «Металлист». Она представляла на российской спортивной арене предприятие по выпуску радиокомпонентов (в народе – «седьмой завод») и была рангом ниже спортивного клуба имени Урицкого*. Стадион её находился рядом с заводоуправлением, на стыке улиц Короленко и Воровского. Там располагались и футбольное поле в окружении беговых дорожек с рядами лавок для болельщиков, и хоккейная коробка, у которой возвышались трибуны и в дни хоккейных матчей заполнялись под завязку.

При клубе состояли детские и юношеские коллективы. Меня взяли в команду по возрастной группе мальчиков. Пришлось пройти строгий отбор, где надо было, прежде всего, показать умение стоять на коньках. А «железом острым» резать лёд я хорошо умел. Мы же не вылезали с катка майдана в парке Горького, закручивали там такие виражи – и лицом, и спиной вперёд! А в школьном дворе сами построили хоккейную коробку, устраивали соревнования между классами, встречались с другими школами. Ну, это всё-таки было самодеятельностью. А вот когда клуб выдал нам с Вовкой Бочкарёвым настоящую хоккейную форму со всей амуницией – это был праздник. Дома нарядился, вертелся перед зеркалом и так, и сяк... Шик-блеск-красота! Вот он настоящий нападающий настоящего хоккейного клуба!

После нескольких тренировок первая игра была как раз со сверстниками СК им. Урицкого. Мы проиграли в чи-

стую – 0:7, и я не смог ничего путного продемонстрировать. Разница в классе команд была чудовищна. Что интересно, один там у них был из нашей школы, новенький из класса «Г». Я присмотрелся к нему – ничего особенного, небольшого роста, рыжий, весь в веснушках. Он-то и забил нам три шайбы.

Это был для меня хорошим уроком того, что внешность и внутренние качества человека не всегда совпадают. Во Дворце пионеров, куда я ходил в одно время на шахматы, лучше всех в городском турнире показал себя не мальчик серьёзного вида в очках, который щёлкал шахматные задачи, как орешки, а вихрастый неряха с руками в цыпках. С ним я играл на предварительном этапе, потому-то и запомнил его руки. Кстати, на равных играл.

Не меньше хоккея любил я футбол, занимался довольно серьёзно акробатикой. Да и все дети, наверное, так, кто не стал мастером в каком-нибудь одном виде.

Через некоторое время «Металлист» превратился в СК имени Воровского, а ещё через время клуба не стало, как и его стадиона. Стадион снесли подчистую. Теперь на его месте вереница гаражей в несколько рядов.

Говорят «эволюция», говорят «прогресс», и город наш, и жизнь в ней становятся, мол, лучше. Во многом соглашаюсь с этим утверждением, но не перестаю горевать по безвозвратно ушедшим от нас улицам неповторимого деревянного зодчества, по несколькими уютным городским стадионам, по парку моего детства с его лесами и взгорьями над рекой Казанкой, которые называли Немецкой Швейцарией, где в первой половине XIX века немецкие профессора Казанского университета Броннер и Фогель начали строить себе дачные дома, а за ними потянулись и другие немецкие учёные. Да, всё течёт, всё меняется, но не всегда в лучшую сторону. Там, на холмах с роскошной, уникальной природой, была ещё и Русская Швейцария, бытовало название и Новая Швейцария. К сегодняшнему дню

* СК им. Урицкого выступал в классе «А», а «Металлист – в классе «Б».

никаких Швейцарий в Казани не осталось – жалкое подобие с современными фонтанами.

* * *

Когда СК имени Урицкого превратился в «Ак-Барс», а я стал профессиональным писателем, то затеял роман о хоккеистах, живописцах, поэтах, бомжах и прочих людях абстрактной деятельности. В ложе прессы ледового дворца спорта у меня было своё место, и я усердно собирал материал для будущей книги. Знаете ли, и сама атмосфера игр требовалась для поддержания творческого тонуса. К тому же я вёл на телевидении программу «У зелёного камина» и пригласил на беседу у живого огня лучшего бомбардира барсов Ильнура Гизатуллина. Хорошо с ним под камеру поговорили, и позже общение наше продолжилось. Он много интересного рассказывал, что простому любителю хоккея не дано было ни услы-

шать, ни прочесть, ни во сне увидеть. Ранее я познакомился с футболистом куйбышевских (теперь самарских) «Крыльев Советов» Равилем Аряповым, книжником, хорошо знавшим историю, литературу, каких в спорте не так уж много. Меня с ним познакомил мой друг, спортивный журналист и однокашник по университету Анатолий Тасеев. Мы обменивались редкими книгами, информацией о новинках – в то время, как известно, в стране был книжный голод. В итоге главным героем моего романа стал хоккеист-интеллектуал. Книга моя благополучно вышла в свет под названием «Белые Волки». В ней я выложил свои мысли, свои жизненные познания, в том числе и опыт давнишнего детства. Но роман романом, вымысел вымыслом... Здесь же, в нашем рассказе, воспоминания мои даны, быть может, с излишней дотошностью, но я призвал их, чтобы наиболее точно передать некоторые моменты бытия тех далёких лет, которые читатель из-за своего возраста может и не знать.

221

